

11. *Волян, А.* Пра дзяржаўнага мужа і яго асабістыя дабрачыннасці / А. Волян // Спадчына. — 1991. — № 6. — С. 95—105.
12. Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588 г. / пер. на бел. мову А.С. Шагун. — Мінск: Беларусь, 2002.
13. *Волян, А.* Аб грамадзянскай, або палітычнай, свабодзе / А. Волян; пер. з лац. Ул. Шатона. — Мінск: Зміцер Колас, 2009.
14. *Падокшын, С.А.* Палітычная і прававая думка Беларусі XVI—XVII стст. / С.А. Падокшын, С.Ф. Сокал. — Мінск: Права і эканоміка, 1994.

Статья поступила в редакцию 24.12.2013 г.

Т.В. Воронич

*кандидат исторических наук, доцент
БГЭУ (Минск)*

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ И МОШЕННИЧЕСТВА В РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛЕ ГОРОДОВ И МЕСТЕЧЕК БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

На основе архивных материалов анализируются злоупотребления и мошенничества в розничной торговле городов и местечек Беларуси в конце XIX — начале XX вв. Основными видами преступлений были обмеривание, обвешивание, подделывание торговых этикеток и торговых знаков. Особую проблему составляло низкое качество товаров.

Abuse and fraud in the retail trade of cities and towns of Belarus on the borderline of between 19—20 centuries are analyzed on the basis of archival materials. The main types of crime were different kinds of cheating buyers (obmerivanie and obveshivanie), counterfeiting of trade marks. A particular problem was the poor quality of goods.

Проблема преступности, к которой, несомненно, относится тема злоупотреблений и мошенничества в розничной торговле, вызывает интерес не только у историков, экономистов и юристов в силу их профессиональной деятельности, но и у широкого круга обывателей. Хотя криминальный мир в некоторой степени овеян определенной долей романтики, тема преступности — очень серьезный и сложный вопрос. Именно он отражает и выявляет социальные проблемы и конфликты в обществе, порой невидимые явно.

В конце XIX — начале XX вв. проблема преступности активно изучалась российскими учеными. Вновь интерес к этой теме в России появился только в последнее двадцатилетие. Вопросы преступности, пенитенциарной системы и становления правового государства в Российской империи исследовал известный российский историк Н.Б. Миронов в своей фундаментальной монографии «Социальная история России» [1].

В белорусской историографии нет серьезных научных исследований по истории преступности в торговой сфере экономики в конце XIX — начале XX вв. в Беларуси. Существуют лишь единичные издания, преимущественно публицистического характера.

На основе материалов делопроизводства городских властей и судебных органов, находящихся в фондах Национального исторического архива Беларуси, а также Национального

исторического архива Беларуси в Гродно и Литовского государственного исторического архива в Вильнюсе, рассматриваются и анализируются злоупотребления и мошенничества, методы и формы их совершения в розничной торговле городов и местечек Беларуси конца XIX — начала XX вв.

Во второй половине XIX — начале XX вв. в Российской империи, в состав которой на тот момент входила территория Беларуси, произошел значительный рост преступности. В Беларуси в это время активно происходили процессы урбанизации и становления современного общества. По мнению Н.Б. Миронова, для индустриальных и урбанизированных обществ, в которых население социально и географически подвижно, доминируют общественные связи, сильно развит индивидуализм, личный успех является важнейшим в системе ценностей, население располагает большой свободой и инициативой, характерна более значительная преступность [1, с. 79].

По подсчетам Н.Б. Миронова, в 1897 г. в Российской империи лица свободных профессий, торговцы, предприниматели и представители привилегированных сословий, купцы, дворяне и чиновники превосходили крестьян с точки зрения криминогенности представителей различных профессий и сословий. Как полагает Миронов, это свидетельствует о том, что после эмансипации бедность сама по себе не оказывала решающего влияния на рост преступности [1, с. 95].

Буржуазные реформы второй половины XIX в. привели к изменению ценностных ориентаций и стандартов поведения у значительной части населения, а конфликт разных систем ценностей способствовал росту отклоняющегося поведения и преступности. Н.Б. Миронов отмечает, что не бедность, а стремление разбогатеть любыми, не исключая и криминальными, способами, часто служило мотивом преступления. Повышение роли богатства в системе ценностей, возможность разбогатеть и резко изменить свою жизнь к лучшему вводили многих людей среднего достатка в искушение [1, с. 96].

Стремление к богатству, максимально легкому пути обогащения толкало торговцев на путь многочисленных злоупотреблений и различного рода мошенничества.

Ассортимент товаров в торговых предприятиях белорусских городов и местечек был очень богатым и разнообразным. В продаже имелась продукция как местного ремесленного, так и фабрично-заводского производства. В том числе были широко представлены товары российских и зарубежных фирм.

Фабрично-заводская продукция с гарантией от поставщика-производителя была качественной, красивой и дорогой. Основными ее потребителями становились состоятельные горожане, многие из которых предпочитали делать покупки в дорогих магазинах с хорошей репутацией либо заказывать товары непосредственно у производителей или их представителей. Нередко горожане ездили за покупками в столичные города и за границу, желая избежать подделок.

Фальсификация товаров была одним из распространенных видов мошенничества в торговле. В розничной торговле постоянно появлялось огромное количество поддельных товаров как продовольственной, так и непродовольственной группы. Для предпринимателей рассматриваемого периода было характерно сочетание торговой и производственной сфер деятельности. Как правило, местные производители сами же занимались продажей выпускаемой ими продукцией в розничной торговой сети. Это значительно упрощало реализацию поддельной продукции.

Чаще всего подделывали этикетки и упаковку либо хорошо известных общероссийских компаний, либо популярных местных фирм.

С 1888 г. в Сморгони одна табачная фабрика выпускала курительный табак «Бакун» под товарным знаком «Красный медведь». Это был низший сорт табака, и употреблялся он пре-

имущественно крестьянами. Поскольку крестьяне в большинстве своем были безграмотными, то табачные изделия своей любимой фабрики они отличали от продукции других производителей по изображению красного медведя. В 1913 г. фабрикой владели Шварцы, дела у них шли довольно успешно. Однако в этом же году в Сморгони появилась еще одна табачная фабрика. Ее владелица Ф. Вороновская начала выпускать тот же сорт табака в такой же упаковке с изображением красного медведя. Единственное отличие состояло в том, что фамилия производителя была указана другая. Крестьяне, не умеющие читать и писать, этого отличия не замечали и покупали табак, ориентируясь исключительно на красного медведя. Уровень продаж табака фабрики Шварцев снизился, и свой убыток в судебном иске к Ф. Вороновской они оценили в 1000 рублей! Суд защитил авторские права Шварцев на свой товарный знак «Красный медведь» и запретил Ф. Вороновской выпускать свою продукцию под этим товарным знаком [2, л. 23—25 об.].

Однако не всегда владельцам товарных знаков удавалось защитить свои авторские права. В 1900 г. в Минском окружном суде рассматривалось дело по жалобе представителя московской парфюмерной фабрики фирмы «Э. Бодлю и К^о». В то время это была одна из самых известных парфюмерных фабрик Российской империи. Владелец фабрики стало известно, что в продаже появилось мыло с этикетками, схожими с этикетками их фирмы. В результате самостоятельно проведенного ими расследования выяснилось, что подделками занимается мещанин С. Динерштейн, владелец собственного мыловаренного производства в Минске. Динерштейн, первоначально на предварительном следствии признавший поддельные этикетки своими, через некоторое время от своих показаний отказался. Доказать в суде его вину так и не удалось [3, л. 31—35 об., 38—38 об.].

Мошенничеством занимались и знаменитые белорусские предприниматели. В 1873 г. из Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов на имя гродненского губернатора пришло письмо с просьбой провести расследование по факту подделки владельцами крупной табачной фабрики Шерешевскими этикеток одной из петербургских табачных фабрик фирмы «Л'есперанс». Шерешевские выпускали свою продукцию под фальшивыми этикетками [4, л. 1—3].

Одной из главных проблем была фальсификация продуктов питания, реализуемых в торговле. Молоко разбавляли водой. Для увеличения сроков хранения, устранения посторонних запахов и прочих признаков недоброкачества в молоко всыпали различного рода примеси — муку, соду и др. В коровье масло примешивали искусственные красители, смешивали его с жирами. Запрещенные консервирующие вещества добавляли в мясную продукцию. При изготовлении кондитерских изделий пользовались анилиновыми и другими опасными для здоровья человека красителями [5, л. 25, 111, 114].

Отдельную проблему составляло санитарное состояние торговых и торгово-производственных предприятий. При производстве и в торговле продуктами питания не соблюдались даже элементарные нормы и правила санитарии. Выпечка хлеба производилась в частных квартирах, в тех же помещениях, где проживали члены семьи ремесленника. Выпеченный хлеб складывался на кроватях, диванах, либо прямо на полу. Антисанитарным было состояние многих продовольственных магазинов. Во время санитарно-полицейских осмотров в них неоднократно находили испорченные продукты [6, л. 1—7 об.].

Для стабилизации ситуации проводился целый ряд медико-санитарных мероприятий. Создавались санитарные комиссии, вводились должности санитарных врачей, которые были обязаны следить за санитарным порядком в городах и проводить разъяснительную работу с населением о необходимости соблюдения норм санитарии и личной гигиены. Кроме того, са-

нитарный врач должен был проводить осмотры промышленных и торговых заведений, рабочих на предприятиях по производству и обработке продуктов питания.

Особое внимание уделялось осмотру продовольственных торговых предприятий. Например, в Витебске на рубеже XIX—XX вв. мясные и молочные лавки, хлебные ряды осматривались по два раза в неделю, трактиры, гостиницы, кондитерские, столовые и чайные — два раза в месяц, рестораны — ежемесячно. При обнаружении нарушений составлялся протокол, делались замечания. Если требования не исполнялись, то дело передавалось в суд. Однако данная мера не была эффективной вследствие того, что городские суды достаточно лояльно относились к тем, кто нарушал нормы санитарии [7, с. 107].

Для стабилизации обстановки, сложившейся в сфере торговли мясом, при скотобойнях была введена должность ветеринарного врача, который занимался исследованием и клейменением мяса. В 1900 г. на городской скотобойне Витебска была создана трихоскопическая станция. Однако ситуация изменялась крайне медленно. Клеймо нередко подделывали, а красное клеймо, запрещающее употребление и продажу мяса, просто соскабливалось. К тому же оно, по свидетельству ветеринарных врачей, ничего не говорило «ни уму, ни сердцу нашего обывателя». Врачи даже наблюдали ситуацию, когда отбросы убоя скота, мясо больных животных, зарытые вечером, на утро исчезли. И сделано это было, по их мнению, не бездомными животными, а людьми...

Множество злоупотреблений и мошенничеств было в торговле спиртными напитками и табачными изделиями. Дело в том, что для производства и торговли этими видами товаров в соответствии с российским законодательством необходимо было ежегодно приобретать специальный патент. Стоимость патента, например, на право торговли вином в конце XIX в. составляла около 100 р. А вместе с затратами, связанными с оформлением документов, расходы достигали 150 р. Сумма довольно значительная для этого времени. Несмотря на то, что сама торговля водкой и вином была очень прибыльным делом, торговцы предпочитали заниматься тайной беспатентной торговлей, либо торговали по патенту другого лица. Также распространенным было и подпольное беспатентное производство табачных изделий. А в табачных лавках табак продавался в поврежденных упаковках [8, л. 8—8 об.].

Уровень обслуживания покупателей в большинстве торговых предприятий был невысоким, цены — завышенными. Обыденным явлением стали обсчет, обвес и обмер покупателей путем использования неверных мер веса и объема. Виновный в использовании неверных мер и весов с целью обмана навсегда лишался права на занятие торговлей.

Регулярно во время внезапных ревизий торговых заведений контролирующие органы обнаруживали неверные гири, весы, меры и т.д. По этим фактам заводились дела, проводилось следствие, но привлечь мошенников к судебной ответственности было крайне сложно. Судебным органам необходимо было доказать факт использования (и именно с целью обмана) неверных весов и мер, обнаруженных в торговом заведении, а это удавалось крайне редко.

В ноябре 1910 г. в Речице в аптекарском магазине Шмуйлы Лейбова Лифшица во время ревизии было обнаружено 37 (!) неверных гирь, пять гирь без соответствующего клейма и двое неверных весов. По решению суда, который из-за долгого следствия состоялся только в 1914 г., обвинение в том, что владелец магазина «с умыслом для обмана употреблял» неверные весы и гири, было снято, поскольку «не установлено, чтобы подсудимый употреблял при торговле найденные у него весы и гири». «Вещественные по делу доказательства — 42 гири» и весы было решено вернуть Лифшицу [9, л. 33].

А если факт использования неверных весов и гирь удавалось доказать, то обвиняемый всегда заявлял о том, что произошло это «по недосмотру». Наказание в данном случае ограничивалось наложением денежного штрафа.

В марте 1898 г. в Речице в суде рассматривалось дело Евмена Венедиктова Кулика, 50 лет, обвиняемого в том, что «содержа в 1896 году корчму в м. Холмечах Речицкого уезда, отпускал из нея водку неклеименой ... посудой». Суд признал доказанным факт продажи вина мерой, менее установленного законом образца, но не с целью обмана покупателей, а «по недосмотру» и приговорил к штрафу в 10 рублей!

В марте 1913 г. в Минске во время очередной ревизии в хлебной торговой лавке Янкеля Лейбова Царфина было найдено две неверных гири. Суд признал факт использования неверных гирь при продаже, но пришел к решению, что наличие «умысла у подсудимого употребления найденных у него неверных гирь при продаже для обмана покупателей ... является решительно ничем не доказанным, так как ни один из допрошенных свидетелей, не удостоверил ни одного факта обмана со стороны подсудимого кого-либо из покупателей». А потому на Царфина по приговору суда был наложен штраф в размере 10 р. в пользу городских доходов.

Летом 1899 г. 40-летняя мещанка М. Фишман привезла в Пинск на продажу мясо. Место для продажи, лавку, она организовала просто — в сенях одного из домов «в виде стола была установлена бочка с доской, на которой были установлены весы для развески мяса». Во время проверки обнаружилось, что гири торговка использует неверные, как и весы, у которых одна чашка оказалась легче другой, а мясо, которым она торговала — протухшее и к употреблению непригодно. Гири и мясо у Фишман отобрали и отправили на проверку. Во время суда свою вину женщина полностью отрицала. Тем не менее суд пришел к решению, что «вполне установлено то обстоятельство, что подсудимая Фишман, продавая ... мясо, употребляла для взвешивания продаваемого ею мяса неверные весы и гири, но чтобы она делала это с умыслом обмана покупателей, ничем не доказано». Если свидетелей факта продажи с использованием неверных мер и весов еще можно найти, то как найти свидетелей мыслей и намерений торговца об обмане?! Поэтому Фишман была приговорена к штрафу в пять рублей, «вещественные по делу доказательства гири и весы, как неверные и негодные потому к употреблению», было решено уничтожить. Что касается факта торговли испорченным мясом, то суд пришел к выводу, что «обвинение ... не представляется доказанным ввиду того, что неизвестно, продавала ли Фишман испорченное мясо, или таковое испортилось после отобрания у нее» [10, л. 26—26 об.].

Наказание за использование неверных мер и весов с целью обмана — лишение права заниматься торговлей навсегда — было суровым. И означало лишение своей профессии, источника доходов. Поэтому торговцы, покрывая друг друга, всячески старались если не добиться оправдательного приговора, то хотя бы смягчить его — признать факт употребления неверных весов и мер «по недосмотру», как бы нечаянно. И, хотя на данный момент подобных фактов в архиве не выявлено, можно предположить, что торговцы, выступая в суде в качестве свидетелей, проявляли корпоративную солидарность и давали ложные показания в пользу обвиняемого, прекрасно понимая, что завтра в такой же ситуации могут оказаться они сами. Но и как видно, сами суды достаточно лояльно относились к обвиняемым.

В Циркуляре МВД от 21 марта 1911 г. говорилось, что из 220 аптек и 302 аптечных магазинов в 69 % аптек и 54 % аптечных магазинов были обнаружены неверные гири. Отклонения в весе некоторых гирь превышали допустимую законом погрешность в 148 раз! Правительство осознавало масштабы подобного рода мошенничества и его практически полную безнаказанность при действующем законодательстве. Поэтому, учитывая степень последствий

употребления лекарств, приготовленных с использованием таких гирь, было принято решение запретить даже хранение неверных мер и весов в аптеках и аптечных магазинах. Однако, ситуация практически не изменилась.

Злоупотребления и мошенничества были неотъемлемой частью розничной торговли Беларуси и ежедневной жизни горожан в рассматриваемый период. Повседневной практикой торговли являлись обмеривание, обвешивание и иные виды обмана покупателей. Характерным стало низкое качество товаров, что было связано с нарушениями технологии производства и санитарных норм. Распространенным явлением были подпольные, без соответствующих документов, производство и торговля спиртными напитками и табачными изделиями. Отдельную группу правонарушений, связанных с нарушениями авторского права, составляла подделка торговых этикеток и торговых знаков.

Литература

1. *Миронов, Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX вв.): в 2 т. / Б.Н. Миронов. — 3-е изд., испр. и доп. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. — Т. 2.
2. Литовский государственный исторический архив. — Фонд 448. — Оп. 5. — Д. 398.
3. Национальный исторический архив Беларуси. — Фонд 183. — Оп. 2. — Д. 13057.
4. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. — Фонд 1. — Оп. 23. — Д. 492.
5. Национальный исторический архив Беларуси. — Фонд 2496. — Оп. 1. — Д. 4601.
6. Национальный исторический архив Беларуси. — Фонд 2496. — Оп. 1. — Д. 4592.
7. *Грацианов, П.А.* Очерк врачебно-санитарной организации русских городов / П.А. Грацианов. — Минск: Губерн. тип., 1899.
8. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. — Фонд 34. — Оп. 1. — Д. 394.
9. Национальный исторический архив Беларуси. — Фонд 183. — Оп. 2. — Д. 25981.
10. Национальный исторический архив Беларуси. — Фонд 183. — Оп. 2. — Д. 755.

Статья поступила в редакцию 24.12.2013 г.

А.И. Габа
кандидат юридических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

О НЕОБХОДИМОСТИ КОРРЕКТИРОВКИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ФОРМУЛЫ НЕВМЕНЯЕМОСТИ

В статье исследованы содержание уголовно-правовой формулы невменяемости и проблема разграничения компетенции следователя (суда) и эксперта-психиатра по признанию невменяемыми лиц, совершивших общественно опасные деяния.

The article examined the contents of criminal law insanity formula, as well as the problem of the distribution of competence of the investigator (the court) and a psychiatric expert for the recognition of irresponsible individuals who committed socially dangerous acts.